

«где Бог, Творец мой, Который дает
песни в ночи, Который... вразумляет нас
более, нежели птиц небесных?»

(Иов. 35: 10-11)

«Народу нужен стих таинственно родной,
Чтоб от него он вечно просыпался»

О. Мандельштам

ПЕСНИ СЕРДЦА

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВ

Виктор Иванович Константинов родился и жил в Москве. В 50-летнем возрасте переехал на постоянное жительство на родину своих предков в нежилую деревню, затерявшуюся среди лесов на окраине Парфеньевского района. Сказать, что живет он трудной жизнью – значит ничего не сказать. Случается, по полгода в деревне нет электричества, зимой до людей можно добраться только на лыжах... Наверное, чтоб вызрела душа надо, пройти через чистилище трудностей. Виктор Иванович живёт духовно богатой эмоциональной жизнью высокого накала и дарит людям свет своим творчеством. Он поэт, художник, лингвист, исследователь, этнограф, иконописец, резчик по дереву... В районной библиотеке в Парфеньеве была выставка его работ: картины, пейзажи, макеты местных церквушек и часовенок, оригиналы которых время превратило в прах. Многие из этих церквей сохранились лишь на старых фотографиях, он возродил это

чудо зодчества для потомков.

Изумительные вещи умеет делать Виктор Иванович! Из круглого куска ствола молодой берёзы выгачивает колоколенки и церковки, оставляя нетронутой нижнюю и заднюю часть ствола: словно стоит на снегу в чистом сиянии чудо-церковь, с розово-золотыми куполами на фоне солнечной сердцевины святой русской берёзы...
Пять лет наблюдаю за Виктором Ивановичем и хочется низко поклониться ему за то упорство, с которым он стремится укрепить упавших духом земляков. И верю я: воспрянет Россия! От малой свечи родится большой огонь любви и патриотизма. Почин подвиг одиночек, победных В. Константинову победит.
Стихи Виктора Ивановича – это духовный концентрат, калорийная пища для души. Он член Союза писателей России. Читайте и чувствуйте, как светлее становится в мире.

Т. ИНОЗЕМЦЕВА

Труд мой уходит в песок, в никуда,
и все-таки я остаюсь.

Небо закрыто сплошной пеленой,
лес не привык выбирать,
он умирает перед зимой,
но остается стоять.

В русском пейзаже, в дали золотой
есть непонятная грусть.
Вольные строки из книги лесной
я затвердил наизусть.

Над опустевшей землей в небесах
птицы летят, ну и пусть.
Черные борозды строк на полях,
и все-таки я остаюсь.

Небо закрыто сплошной пеленой.
Я затвердил наизусть
вольные строки из книги земной –
все-таки я остаюсь.

***

Играет радио в квартире,
на кухне тикают часы.
Открыта форточка пошире
для заблудившейся осы.

Счастливых лет воспоминанье.
Родных людей беспечный круг.
И будущее в золотом тумане,
без нескончаемых разлук.

Мы улыбаемся на фото.
Сидим в рядок плечом к плечу.
Смотрю и плачу отчего-то
и утешений не хочу.

Прощайте близкие, родные.
Я не объеду всех могил.
Вы все во мне, и все живые.
Я счастлив тем, что с вами жил.

ЯБЛОКО ГРАНАТА

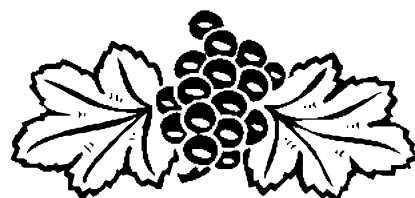
Когда стоит ненасть на дворе,
не сами ли мы в этом виноваты?
А на столе, на скатерти – гранаты
в сухой шершавой грубой коже.

Мы вместе выпьем райские плоды.
Сомной отдавай сладостного сока.
А в зернах сохраняются до срока
плоды другие, новые сады.

Все то, что есть, что будет, что живет,
зерну подобно, яблоку граната –
и век, и год, и книга, и соната,
и человек, и город, и народ.

И слово тоже, легкому зерну
подобное,
вдруг силу набирает,
как дерево незримо вырастает,
пускает корни вверх и корни – в глубину.

Суровый климат в нашей стороне.
Опять холодный ветер завывает.
Но дерево, растущее во мне,
поющих птиц на ветках укрывает.

Господи Боже, кто же поможет?
Криком кричу – не отрекусь.
Я не покину, в несчастье не брошу
милую родину – грешную Русь.

Ни одного уцелевшего дома,
но возвращаюсь всему вопреки.
Деревня исчезла, но в сумерках темных
вокнах, я вижу, зажглись огоньки.

ВИДЕНИЕ В СЕЛЕ ГОРЕЛЕЦ (7 июля 1992 г.)

В сиянье рассвета и дымку ополья,
в дремотную свежесть пустых деревень
нежданно смолчавшей давно колокольни
слетело, как голубь, негромкое – день-нь-нь..!

Над бывшим селом, над речушкой заросшей,
над зеленой буйной, прикрывшей разгром,
над брошенным кладбищем, лугом заглохшим
другой раз ударило сильное – бом-м-м..!

И вот над быльем, над непаханным полем
(я сам не пойму – то ли явь, то ли сон?),
над лесом дремучим, над русским раздольем,
над спящею Русью разнесся трезвон.

Откуда ни взявшийся в грешной России
Звонарь выбивает – динь-день, динь-день-дон!
И людом наполнились избы пустые,
и в поле расцвел синим маревом лен.

А в воздухе свежем – звонарь все выводит –
так чисто, так ясно – динь-день, динь-день-дон!
И сами собой просветлели в киоте
оклады и краски потухших икон.

В польни, в бурьяне прорезались грядки,
Стога поуставились, выкошен склон,

Подправились срубы... Уже на супрядках,
кружась, зажужжали волчки веретен.

Прохожие крестятся с низким поклоном,
как в веру исконную, входят в село.
Ну слава Те, Господи! С верой и звоном
в обратную сторону время пошло!

Когда в пробудившейся дымке ополья
сияющим светом наполнился день,
нежданно смолчавшей давно колокольни
ударил мягко негромкое – день-нь-нь..!

***

Мир, завершая эпоху анализа,
Преображает свой вид,
И на компьютере в лаборатории
Ветка сирени лежит.

Век электроники, робототехники,
Душных больших городов,

